

ЖДУЩАЯ МАСТЕРА

НА не любит давать интервью, и это не каприз «премьерши». Просто дилетантство, стремление иных писать о том, что знают весьма поверхностно, всегда вызывает в ней резкий протест.

Много лет назад, делая передачу о Театре имени С. Вургуня, телевизионщики все-таки уговорили ее сесть перед камерой. Я до сих пор помню свое зрительское ощущение от того, как уютно чувствовала себя Людмила Духовная, страдая от бесцеремонности интервьюера. Как не хотелось ей обнажать душу перед незнакомыми людьми и говорить что-то сокровенное в ответ на пустячные вопросы. Актриса тогда предпочла что-то вроде защитной маски и сказала категорично, как бы отвергая возможность дальнейшего разговора: «Я делаю на сцене то, что единственно умею делать в жизни — просто люблю!»

Конечно, это была бравада, это был откровенный эпатаж — вот люблю и больше, представьте себе, ничего не умею! Это не могло быть правдой, но скажу честно, я, как и многие, поняла это годы спустя, когда стала общаться с актрисой и увидела, какая огромная работа души стоит за каждой ее ролью.

Как-то поздним вечером она позвонила мне после спектакля.

— Никольский собирается ставить пьесу Губарева «Особый полет». Там есть хорошая роль для меня. Хотите угадать, какая?

Я посчитала это делом нетрудным. В «Особом полете» всего три женских роли, две из которых — молоденькая наивная журналистка и пожилая женщина — баллистик — были абсолютно не для нее.

— Там есть для вас только одна роль, — уверенно сказала я. — Это жена командира космического корабля. Женщина, умеющая любить и ждать. Ваша стихия, не так ли?

— А вот и нет, — счастливо засмеялась Л. Духовная. — Вы подошли к моим возможностям традиционно и потому ошиблись. А играть я буду (она мастерски, как на сцене, выдержала паузу)... Погибшего космонавта!

Я сразу вспомнила — крошечная трудная роль, сделанная в пьесе буквально из ничего. Несколько появлений, скудные короткие реплики. Что же играть здесь Духовной?! Ведь только недавно она вместе с Мурадом Ягизаровым пережила подлинный актерский триумф в спектакле А. Никольского «Человек, который платит», и было бы естественным желание актрисы остаться в русле этого успеха, продолжая играть привычное — неистребимую жажду любви, извечное женское предназначение. Но она выбрала иное.

— Вы только представьте, — взволнованно говорила Людмила Семеновна, и я слышала, ощущала, как без-

мерно увлечена она новой работой, отнюдь не сулящей легкой победы. — Мы решили построить роль так, чтобы она была символом Матери — Земли, которая будет возникать в памяти космонавтов, как видение, в самые трудные минуты их полета, чтобы поддержать их, не дать им погибнуть. Тут столько интересного и неожиданного для меня!

И помолчав, добавила с грустью:

— А тема, конечно, все равно моя, — любить и ждать, тут вы правы...

Она до сих пор любит эту роль — необычную, тревожно-влекущую. И, увы, — не сыгранную. Театр не взял «Особый полет» в репертуар (и какой смысл теперь, десять лет спустя, говорить о причинах?!). Но роль осталась. В душе, в памяти, как заноза, как напоминание о Космосе несбывшегося.

Когда Л. Духовная закончила учиться в студии Азербайджанского института искусств у замечательного мастера Р. Тахмасиба, ее дипломную работу — Леонору в спектакле «С любовью не лгут» — отметила рецензент газеты «Баку»: «О четко выраженном таланте, причем не испорченном штампами и согретом личным обаянием, можно говорить, пожалуй, только в отношении Л. Духовной». Это написала Инна Каган, человек, разбирающийся в искусстве. И магическое слово «талант» было произнесено не в качестве аванса, а как подтверждение закономерности прихода актрисы в театр, ее больших сценических возможностей.

Талант и предопределил театральную судьбу Л. Духовной. Не звания, нет, а именно судьбу — актерский взлет, любовь зрителей, признание. Одной из первых ролей в театре имени С. Вургуня была Блондинка в спектакле М. Ашумова «Снимается кино». Второстепенная, эпизодическая роль. И все же — «запомнилась». Так написал о ней в своей рецензии взыскательный журналист Осман Мирзоев. Запомнилась — значит, сумела не потеряться рядом с такими маститыми актерами, как К. Бабишева, Р. Гинзбург, А. Фалькович.

А вот Валентину из пьесы М. Рошина «Валентин и Валентина» Духовная сыграла двадцать лет назад, однако театралы помнят о ней и сегодня. Это была одна из самых дорогих, незабываемых удач. С нее, на мой взгляд, и началась актриса Людмила Духовная.

Если попытаться сформулировать ее актерское кредо, то лучше всего это сделают слова Пастернака: «Во всем мне хочется дойти до самой сути...» Пластичность, взрывной темперамент, интуиция, чувство сценической детали, правда существования в образе — эти прекрасные качества для нее не самоцель. Они помогают ей всегда «докапываться» до самой сердцевины характера, и потому она умеет быть разной на сцене. Достаточно вспомнить ее женственную, артистичную Корали Верне из шедшего несколько сезонов спектакля Г. Гюльяхмедовой-Мартиновой «Загнанная лосадь» — и полную противоположность ей — Аду из «Премьеры». Мучительно пытающуюся вырваться из болота ночлежки Настю («На дне») — и совершенно необычную, сотканную из экзотрики и подтекста Колумбину в «Ультиматуме» Р. Ибрагимбекова.

Драматургия Рустама Ибрагимбекова вообще внесла новые краски в творчество Л. Духовной. В его спектаклях ей приходилось все время преодолевать привычное амплуа, ломать устоявшиеся актерские стереотипы.

— С Рустамом Ибрагимбековым работать было очень интересно и очень трудно, — рассказывает актриса. — Его режиссура непривычна, она выводила нас на новый уровень сценического мышления, к театральным метафорам, к обобщениям. Он развивал наши штампы, заново формируя актерское «я».

Критики высоко оценили игру Л. Духовной в «Доме на песке». «Л. Духовная открывает в Вале неординарность натуры, свой выстраданный мир оценок. Потеря такой Вали оставит в душе Эльдара глубокий рубец», — писала Л. Бабинская. А вот мнение корреспондента «Литературной газеты» Р. Поспелова о работе актрисы в спектакле «Похороны в Калифорнии»: «Страшный характер Вдовы превосходно воссоздан Л. Духовной. Пленительная женственность, покоряющая импульсивность каждого минутного поступков не скрывают, а высвечивают полную нравственную атрофию».

(Юночанка на 10-й стр.)